

Любовь — тональность ля минор
ГАСТРОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В92

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Дизайн обложки и иллюстрации: *Юлия Межова*

При поддержке литературных курсов «Мастер текста»

Руководитель проекта: *Александр Прокопович*

Координатор: *Наталья Криштоп*

Предисловие: *Владимир Зисман*

Концепт-редактор, автор блога Евы: *Ольга Есаулкова*

Авторы:

*Алексей Буцайло
Ольга Есаулкова
Ольга Замятина
Галина Капустина
Светлана Кривошлыкова
Вера Плауде
Дарина Стрельченко
Татьяна Терновская
Виктория Топоногова
Екатерина Трефилова*

Подписано в печать 10.08.2021.

Формат 70 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,0.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура BookmanLightITC

Тираж экз. Заказ № .

© Авторы, текст, 2021

© Юлия Межова, ил., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ВЛАДИМИР ЗИСМАН

О МУЗЫКЕ И ЛЮБВИ

Вместо предисловия

Музыка — это, конечно же, про любовь. Нет, естественно, про смерть тоже. Даже немного про еду — иначе зачем же в ресторанах нужна была бы музыка, — но про любовь всё-таки больше.

Если посмотреть правде в глаза, то, пожалуй, даже про секс. Потому что для «про любовь» всё же требуется сюжет в развитии. Ну, скажем, как в опере «Евгений Онегин» в её развёрнутой форме. А ежели про секс, то это сцена письма в том виде, в каком её написал П. И. Чайковский. Потому что, извините, Сцена письма — это уже не про любовь, а про либидо.

Шикарный, широчайший пласт музыки именно «про это». Выбор — вопрос личных пристрастий, бэкграунда, воспоминаний и ассоциаций. То самое, что называется «любить ушами». И телом, кстати, тоже, потому что ритм в музыке — штука далеко не последняя.

Кто скажет, что танго или блюз не про секс?

А ария Далилы из оперы Сен-Санса не про эротику?

А «Песнь Шемаханской царицы» не про соблазн?..

И всё же по части концентрации эротизма в музыке, на мой взгляд, с огромным отрывом лидирует

«Танец семи покрывал» из оперы Рихарда Штрауса «Саломея». Недаром эта опера была в свое время объявлена «безнравственным произведением».

И вот это «про любовь» подсознательно переносится и на музыкантов. Во-первых, потому что музыка — это искусство подсознательного и там только доктор Фрейд разберётся, что всколыхнуло самые сокровенные струны души слушателя — любимая мелодия песни или декольте певицы. А во-вторых, изумительная традиция романтиков середины XIX века, которые создали и затем всячески культивировали возвышенный и даже inferнальный образ музыканта как чего-то нездешнего, находящегося выше обычных земных забот, от одного взгляда которого дамы падали в обморок...

Или в объятья...

Вся эта духовная красота дополнялась кудрями самых разных размеров — тут уж что природа позволила, и дальше можно спокойно перечислять любимых кудрявых и любвеобильных романтиков — от Паганини, Листа, а потом и Лемешева, до наших современников, выдающихся, кстати, виолончелистов, таких, скажем, как Миша Майский или Александр Князев, я уже не говорю о припопсованных скрипачах вроде Андре Рёе.

Музыкант традиционно окружён флёрром романтизма, особенно в той среде, которая нечасто видит музыкантов вблизи.

Самые восторженные взгляды мы ловили от официантов, когда квартетом играли баварскую музыку в пивном ресторане, и от ментов, когда уже после основной программы, посвящённой выпускникам-медалистам, играли для них «Мурку». Выпускникам-медалистам достался Вивальди и «Летите, голуби, летите».

Кстати, такого количества бисов, как от ментов, не припомню — они собирались вокруг нас из всех щелей, как будто на гастроли приехал Гамельнский крысолов.

Я уж не говорю о такой традиционной приманке, как сольное вокальное музицирование. Конечно же, девушка, поющая романс, при этом ещё и аккомпанирующая себе на фортепиано, имеет очень приличный гандикап перед своей сидящей в углу молчаливой подругой. Про юношу с гитарой могу даже и не рассказывать — на определённом этапе его шансы на продолжение рода в разы выше, чем у точно такого же юноши, но без гитары.

Независимо от того, желает он этого в демографическом смысле или его вполне удовлетворит сам процесс.

Правда, тут есть одна тонкость. Ведь что сделала Розина, услышав сладостную каватину Альмавивы? Сказала «ах!», душа её растаяла, а трепетная девичья натура деловито начала искать дальнейшие способы поиметь графа в полном объёме.

Иное дело, если бы она была профессиональным музыкантом. Здесь верх взяла бы музыкантская

сущность, а не женская. Красавица просто схватила бы попавшийся под руку какой-нибудь горшок с подоконника и запустила им в несчастного любителя севильского шансона.

Не со зла. Рефлекторно.

В лучшем случае влюблённый граф успел бы спеть «Ессо гиденте...». И всё. А что вы хотите? Ускорение свободного падения плюс стартовый импульс эмоциональной профессионалки (в хорошем музыкальном смысле этого слова) и всё — на булыжной мостовой Севильи графские развалины, смешанные с битой керамикой, грунтом и цветами. Извольте обводить мелом контуры.

И я бы её оправдал.

Да что я — любой музыкант оправдал бы!

Потому что вы ведь не знаете, что кричат хором музыканты, устаканившись, наконец, в своём гастрольном автобусе после концерта? Нет?

А я знаю. «Выключите радио!» — орут они во всю глотку на любом языке несчастному водителю, который всего лишь хотел сделать людям приятное.

А что гастроли?..

Гастроли — это в определённой степени царство свободы. Это как подарок доброго волшебника гостям королевского бала в старом советском фильме «Золушка», где каждый оказывается там, где хочет, и получает то, что хочет.

Одни на гастролях бегают по магазинам, другие исследуют достопримечательности, третьи бес-

пробудно пьют, четвёртые занимаются на инструменте...

Но нас ведь интересует вопрос «гастроли и личная жизнь»?

На эту тему существует известная история о том, как в семидесятые годы Галину Вишневскую, жену Мстислава Ростроповича, не выпускали вместе с ним в зарубежные гастроли, и друзья посоветовали ему написать заявление типа «ввиду плохого здоровья прошу разрешить, чтобы меня в поездке сопровождала жена».

Ростропович согласился с этой идеей и написал заявление в следующей редакции: «ввиду моего безукоризненного здоровья прошу, чтобы меня в зарубежной поездке сопровождала жена».

Кто ж спорит,— конечно, идеально, когда муж и жена работают в одном оркестре — и суточные в одну семью, и муж под присмотром, и покупки все сделаны правильно.

Но вообще, на гастролях возможны практически любые истории — от большой и чистой любви до вполне унылых в своей обыденности и вульгарности сюжетов, правда, иной раз ярко расцветенных спецификой контекста.

Как, скажем, поучительная в своём высоком благородстве сцена в Бресте при возвращении с гастролей, которые из-за слетевшего концерта закончились на сутки раньше.

Надобно заметить, что в те времена, во-первых, ещё не было мобильных, а во-вторых, оркестр с гастролей из Бельгии ехал поездом.

Нет, самолёты уже были, но поездом было дешевле.

Некоторые оркестранты, наиболее продвинутые по части экстраполяции, уже вполне зримо представили себе классическую ситуацию «и тут входит муж». Или, наоборот, жена, потому что всякое бывает.

Народ в поезде Брюссель—Москва едет, конечно же, интеллигентный, грамотный и в целом знакомый с мировой оперной классикой, поскольку это именно оперный театр возвращается с гастролей. А ведь в опере половина либретто основана на экстремальных межгендерных проблемах — результаты возможны самые плачевные. Но чужое либретто никого ничему не учит. А там то бороду отрежут, как Черномору в «Руслане и Людмиле», то ножом пырнут, как в «Паяцах» или «Кармен», то голову отрубят. Могут задушить или отравить. Оперный жанр предлагает огромный спектр возможностей.

Нет, гуманизм, конечно же, не топчется на месте, и обычаи в описываемые мною времена стали более вегетарианскими, чем оперные сюжеты. Но все эти скандалы, размены жилплощади и разборки на парткоме... Это даже хуже, чем покусанное ухо в «Сельской чести» Пьетро Масканьи (был такой сицилийский обычай, предворяющий дуэль в форме поножовщины. Примерно то же самое, что броса-

ние перчатки Пушкиным в Дантеса или Ленским в Онегина. Ну да, в иных условиях Александр Сергеевич Пушкин мог бы укунить Жоржа Дантеса за ухо, и после такого демарша тому ничего не оставалось бы кроме как стреляться).

В общем, слава богу, в Бресте меняют колёсные тележки, поезд стоит долго — и все, кто не питал особых иллюзий по поводу возможного развития сюжета, но благородно и дальновидно не желал никого ставить в неловкое положение, успели позвонить домой.

Конечно же, никто не спорит — браки заключаются на небесах.

Может быть, не все...

Но так или иначе, а жизненные наблюдения и чистая статистика вынуждают признать, что дальность полёта стрелы Амура, прямо скажем, так себе. То есть, до чего долетела, до того долетела. На болоте до лягушки, на лужайке до кролика.

Поэтому не редкость семьи, состоящие из врачей или филологов. Но в этом нет роковой предопределённости.

А вот то, что происходит с музыкантами...

Давайте посмотрим правде в глаза. Где девочке, посвятившей себя музыке, найти своего суженого, если днём весь офисный планктон бултыхается между стёклами своего опенспейса, а вечером, когда можно было бы пойти потусить, у неё концерт или спектакль? А тот из мерчендайзеров, что

поприличнее и посимпатичнее, в лучшем случае находится в зрительном зале? По ту сторону рамп.

И, скорее всего, уже не один.

Что, выходной? А выходной у музыканта, между прочим, в понедельник. Так что богини судьбы, посоветовавшись с музами, уже всё решили заранее — семья будет музыкальная и дети у них будут такие же.

Аминь.

Вы думаете, что если концерт вечером, то весь день свободен? Ну конечно же — это в сериалах про балерин показывают, что они круглые сутки надрываются у станка. А про музыкантов в лучшем случае — пару репетиций...

...и наутро он просыпается в чьей-то незнакомой постели, узнаёт в шесть утра из поздравительной эсэмэски о триумфе на международном конкурсе в том самом городе, в котором только что проснулся, и теперь безуспешно пытается вспомнить название города, а заодно — где и с кем пил накануне.

Музыканты в свободное от концерта время, между прочим, пашут не хуже балерин — надо позаниматься, выучить произведение, если речь идёт о солисте, или партию, если это оркестровый музыкант. Ведь вся жизнь музыканта — это работа на репутацию, независимо от того, оркестровый он музыкант или солист.

Потому что это только кажется, что музыкант пришёл, отблестал свои два отделения, получил от благодарной публики цветы, поклонился и отпра-

вился в гримёрку пить прописанное в райдере шампанское с виноградом, плавно переходящее затем в коньяк, виски и утренний рассол.

Музыкант знает, что вся его карьера держится на его репутации. Потому что любой его провал будут обсуждать долго...

В этом смысле он видит свою работу где-то в одном ряду с увлекательными и полными сюрпризов профессиями сапёра и артиста цирка. Говоря метафорически, музыкант всё время работает с полным пониманием, что нет никаких препятствий тому, чтобы ему неожиданно оторвало ногу, кто-нибудь откусил голову или он просто шмякнулся из-под купола цирка на глазах у изумлённой публики.

Это понимание совершенно не противоречит тому, что происходит на уровне создания ауры прекрасного для себя, публики и продюсера.

А так... Чем музыканты отличаются от других?

Собственно, этот вопрос мне задала жена, когда ещё не была моей женой. Так сказать, поинтересовалась на всякий случай. Потому что не музыкант.

«Всё то же самое, только пьют по ночам», — ответил я. И это естественно. Ведь если у тебя оперный спектакль заканчивается без четверти одиннадцать, то даже и в магазин можно не успеть.

«Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было...» — вторит мне Михаил Булгаков.

Нет, музыку, конечно, любят тоже.

ОЛЬГА ЕСАУЛКОВА

ШЛЯПА

С ЧУЖОГО ПЛЕЧА

Мне снился потом не раз этот момент: вот мы целуемся, его язык у меня во рту, а потом в какой-то момент между делом у меня во рту оказывается и его рыжий волос. И, с одной стороны, мне как-то неловко прервать этот поцелуй, потому что я девушка порядочная и привыкла доводить начатое до конца, а с другой стороны — этот волос... Н-да.

Из блога Евы

Ева поддела ногтем шершавый уголок большого конверта из коричневатой крафтовой бумаги, засунула туда кончик носа и вдохнула, стараясь уловить запах свежей типографской краски и сбывшихся надежд.

— Вот здесь распишитесь,— сипло проговорил курьер и черкнул желтым ногтем по разлинованной бумаге. Ева одним натренированным движением поставила подпись и зажмурила от предвкушения глаза.

— Спасибо,— улыбнулась Ева курьеру, отчего тот хмыкнул и нелепо подмигнул обоими глазами. Или это был нервный тик. Ева не разобрала, потому что конверт уже обжигал ладони и просил поскорей его открыть. Майское солнце, неожиданно раскошегарившееся после привычного питерского затяжного дождя, пригревало и приятно щекотало нос, отчего Еве стало еще радостнее. Она, как обычно с трудом, потянула на себя тяжелую входную дверь консерватории. Уж сколько лет прошло с выпуска, а лучшего места для уединенных репетиций Ева так и не нашла. Благо — и хвала всем богам — администратор всегда находила для нее свободные аудитории на несколько часов в неделю.

Ева остановилась в холле и начала очень медленно, сантиметр за сантиметром вскрывать конверт — так талантливая танцовщица стриптиза снимает с себя одежду. Бумага издала финальный хруст, а прямо над Евиным ухом низкий голос громко произнес:

— Белобородова!

Колени Евы дрогнули, и она чуть присела, как случалось всегда, когда она слышала голос Ивана Ильича. Иван Ильич никогда не орал на Еву, не ругал, осыпая проклятиями, как других учеников. Однако все время, пока она у него училась, и даже сейчас, когда бывший преподаватель уже не имел на ее жизнь и карьеру никакого влияния, Ева ощущала себя беспомощной и очень маленькой рядом с ним, хотя была даже выше, пусть и ненамного, рослого и плечистого Ивана Ильича.

— Как у вас жизнь, Белобородова? По-прежнему с середины на половинку, в вечной субдоминанте? — снова ухнул на нее Иван Ильич, и Ева повернулась к нему и наткнулась на пронизывающий, колючий, как хирургические иглы, взгляд под вечно взлохмаченной седой челкой. У Евы вдруг ухнуло и затрепыхалось сердце, и стало трудно дышать... А что если... Да, никак нельзя упускать такой шанс. Ткнуть прямо в это колючее лицо. Чтобы он заткнулся, наконец, про эту самую серединку.

Ева заторопилась и молча запыхтела, вытаскивая на белый свет сияющий глянцем журнал «Музыкальная жизнь» (тираж 5000 экземпляров, между прочим!) из уютных недр конверта.

— Иван Ильич, сейчас... Смотрите...

Где-то во второй половине журнала... Да! Вот же они. Ева распахнула разворот журнала с ярким коллективным фото своего камерного оркестра, в кото-

ром она играла последние пару месяцев, и, не глядя на снимок, молча и торжественно поднесла его прямо к лицу Ивана Ильича. Преподаватель хмыкнул, насупил брови, чуть склонился к журналу и поводит носом.

— Так-так? И что-о-о-о? — протянул он.

— Как «и что», Иван Ильич! — Ева психанула и перешла на визгливую ноту в слове «Ильич». — Фото нашего «Nat Music», и я тут тоже есть. Вот — в журнале. А вы говорили: «Попользуются и помашут ручкой». А это не так, Иван Ильич!

— Как же «не так», Белобородова? — вдруг устало выдохнул Иван Ильич, а затем вспыхнул и отчеканил: — Хотя, может, и так, если, конечно, вы вдруг стали человеком-невидимкой.

Он развернулся на каблуках и, уже удаляясь, бросил через плечо:

— Вас нет на фото. Вас нет.

Ева оторопело попятилась назад, чтобы приклониться к стене. Наверняка этот слепой пень ошибся! Ева коснулась спиной спасительной прохлады мрамора и осмелилась посмотреть в журнал. На большом глянцевом фото не то чтобы совсем не было Евы... Справа на странице на ее присутствие намекал острый носок ее черной туфли. И всё. Ева судорожно, слюнявя пальцы и поправляя взмокшие пшеничного цвета пряди, то и дело лезущие в глаза, — черт бы побрал эти чертовы волосы! — пролистала несколько страниц вперед и назад,